

Мои воспоминания*

Н. А. Лейкин

III

Не помню хорошо, но, должно быть, к исходу седьмого года начали меня учить грамоте. За это дело взялась мать. Кубиков с буквами для игры прежде не было, а потому, играя, я не мог ознакомиться с буквами, так что пришлось начинать прямо с азбуки. Делалось это не без некоторой торжественности. Обрядная сторона у нас в семье всегда играла роль. Прежде всего купили азбуку и указку — палочку из кости, которая тогда продавалась в игрушечных магазинах. Азбука была тоненькая, с картинками для каждой буквы: аз, а, ананас; буки, б, барабан; веди, в, волк. Но на фиту составитель не мог придумать какого-либо предмета, и стоял мужик с кувшином, а подпись гласила «Фома с квасом». Начали меня учить 1 ноября, в день Косьмы и Дамиана — патронов всех учащихся, а перед началом учения сводили в церковь и поставили им свечку. Перед полуднем усадили за азбуку. Помню, я плакал. Сестры и братья мои недоумевающе и с сожалением смотрели на меня, оторванным от игр, но их выгнали вон из комнаты.

Замечательно, что события детства я лучше помню, чем события в дни юности и даже зрелых лет. Так и начало моего учения запечатлелось у меня в памяти. Мать сказала мне, что если я буду прилежно учиться, то мне к Рождеству на елку купят театр (картонный театр с опускающимися[ся] и подымающимися[ся] декорациями и актерами на подставках был моей мечтой). Если же буду лениться, то по мне будет ходить розга. И мать торжественно указала на зеркало, из-за которого всегда торчала розга. Учение пошло успешно. Через месяц я уже читал по складам и знал цифры. А 1-го декабря, в день пророка Наума, меня опять повели в церковь, поставили свечку и заставили молиться, чтобы «батюшка пророк Наум навел меня на ум». Через месяц еще я уже читал многосложные склады: «святый-ший», «пра-ви-тель-ствую-

щий», «вы-со-ко-пре-вос-хо-ди-тель-ство», «ар-хан-ге-ло-го-род-ский» и т. п. Одновременно с чтением учили и писать. Сначала я обводил по карандашу пером буквы и цифры, которые писала мать, хотя писала плохо и сама. Затем стал списывать с прописей, сначала в карандашных линейках, а затем по транспаранту. Готовых линованных тетрадей тогда не продавалось, и тетради нужно было лिनовать самим. Линейка была принадлежностью учащегося. Ею часто и наказывали, били по пальцам за плохое письмо. Прописи у меня были всякого рода письма: прямого, косога, готического. Они состояли из изречений вроде следующих: «Ничего не откладывай на завтра, что можешь сделать сегодня». «Что острее меча? Язык злого человека». «Столицу нашу спасает от наводнения множество каналов». Был у меня и транспарант, на котором ничего, кроме черных линеек, не находилось, а между тем внизу была подпись: «Печатать дозволяется. Цензор Оберт».

Когда мать моя бывала занята по хозяйству, в деле учения ее заменяла тетка Ольга, ее сестра, молодая девушка, сама только кое-как научившаяся читать и писать и начавшая это учение 16-ти лет, когда была выкуплена из крепостной зависимости и привезена из деревни. Училась она тоже у моей матери.

Должно быть, я учился хорошо, потому что картонный театр у меня к Рождеству явился. Помню, что я ужасно обрадовался, когда, выйдя из ворот вместе с матерью на прогулку, мог прочесть висевшую на углу Колокольной улицы вывеску «Трактир купца Ротина». Очень радовало меня и то, что я при знакомстве с цифрами мог уже играть в лото, когда старшие члены семьи садились за него.

На следующий год осенью я был отдан для продолжения учения в начальное училище, находившееся на той же улице, где мы жили. Его содержала жена инженерного

офицера Беляева и вместе с мужем своим обучала детей всем предметам, не исключая Закона Божия и танцев. Законоучителя священника или дьякона мы не видели. Учащихся было немного — человек 15. Были мальчики и девочки. Парт не было. Сидели за столами с откидными полами на подставленных ножках. Помню, что полы эти иногда, если дети расшались и отодвинули ножку, падали, с них все летело, и пол заливался чернилами. Нас наказывали: ставили в угол, иногда на колени. Был и дурацкий колпак с ослиными ушами, как наказание, сделанный самим Беляевым. Девочки и мальчики были поделены по разным комнатам, и мы, мальчики, учились в комнате, где за ситцевой занавеской стояли две кровати и спали две старухи, тетки Беляевой. Беляевы были очень бедны, детей не имели, но были обременены престарелыми родственниками. Кроме двух старух, на их попечении был еще сумасшедший брат Беляевой, бывший офицер. Он иногда прибегал в классы в халате с раскрашенным клюквой и жженой пробкой лицом и декламировал монологи из трагедий, но Беляевы тотчас же его выгоняли. Помешан он был на театре. Одна из теток Беляевой, вечно вязавшая чулок, изображала иногда у нас в училище в отсутствие учительницы Беляевой нечто вроде классной дамы и рассказывала нам, что она когда-то имела тысячу душ крестьян и ездила на четверке в карете, но муж ее проиграл все в карты. Прислужгой у Беляевых была их крепостная девушка — высокая, рябая, с попорченным оспой глазом. Она ходила всегда босая, в затрапезном платье и часто жаловалась нам, что она живет впроголодь, и выпрашивала у нас себе на булку. Беляев и его жена были буквально красавцы, молодые, свежие, он брюнет, она блондинка. За учебу они брали по 3 рубля в месяц и совсем не делали летних каникул, дабы не лишиться в летние месяцы платы за учение.

* Продолжение. Начало в № 1 (11), 2 (12) за 2003 г.

Беляев отлично рисовал и был превосходным каллиграфом. К поздравлениям, которые заставляли нас, учеников, писать и подавать родителям к Пасхе и Рождеству, он делал сверху замысловатые виньетки пером. За это и мы отблагодарили его. Было принято приходить поздравлять их с праздниками и приносить сладкие кондитерские пироги. Такие же пироги подносили им и в дни их именин. Меня и сестру мою Беляевы учили французскому и немецкому языкам, но были в училище ученики и ученицы, которые от обучения иностранных языков отказывались. Состав учащихся был самый разнообразный. Были дети купцов, ремесленников, духовенства и была даже дочь полицейского хожалого. Судьба так устроила, что у Беляевых учился и сын того купца Ротина, чью вывеску над трактиром я прочел, впервые научившись читать. Этот сын трактирщика Ротина сделался моим школьным приятелем. Он умер недавно.

Вторым школьным приятелем был Саша — сын мелкого кухмистера, проживавшего в одном с нами доме и отпускаявшего с своей кухни кушанье, а иногда устраивавшего свадебные столы и похоронные поминки. Саша был юркий и способный мальчик. По праздникам у нас в приходской церкви он подпевал дьячкам на клиросе, помогал церковным сторожам растапливать в ризнице печку для кадила, убирал по их указанию и тушил огарки из подсвечников, а иногда выносил и свечу в подсвечнике перед Евангелием. Все это мне очень нравилось, и я стремился подражать ему. Так как в церковь меня водили каждый праздник ко всенощной и к обедне, то познакомиться через Сашу мне было очень нетрудно и со сторожами и дьячками, и я также стал подпевать на клиросе и собирать огарки. Певчих тогда при нашей церкви не было, и пела «сборная братия», как тогда называли. Козлил тенором купец-яичник, был бас — приказчик мужа моей тетки, пели братья-фруктовщики Н., мой двоюродный брат Саша Крупенкин, мальчик моих лет, пел посудник Щ. и какой-то безбородый, испитой скопец в длиннополой сибирке с жирно смазанными волосами на голове. Помню, что Щ. хорошо читал часы и Апостола, куда лучше дьячков. Усердствующие прихожане из

купцов ходили и за сбором с кружками по церкви во время богослужений, а кружек, блюдев и кошельков носили тогда куда больше десятка. Впереди всех шел с блюдом приказчик старосты, звонил в колокольчик и расталкивал народ, за ним двигалась вся вереница. На кошельках также были колокольчики. И вот в этой процессии участвовал иногда и я с кошельком или блюдом, и это мне очень нравилось.

Также во время крестных ходов в Пасхальную неделю вокруг церкви я, Саша-кухмистер, как мы его звали, и Саша Крупенкин каждый день носили зажженные свечи перед образами, а иногда и сами образа, если не было на это желающих из взрослых. Держать блюдо с кусочками антидора или святой водой, когда священник кропил богомольцев, подходивших ко кресту, считалось для меня также высшим удовольствием, а когда меня кто-то из наших родственников сводил на колокольню, и я увидел, как там трезвонят, я был на вершине блаженства. Подтягивание на клиросе заставляло меня учить кондаки, тропари и ирмосы, что я и делал по молитвеннику. Два Саши и я, сходясь вместе, даже репетировали перед службами, делая спевку.

Вскоре я так сжился с церковью, что знал всех нищих на паперти, а нищих тогда было такое множество, что они покрывали всю паперть. Были хромые и безрукие отставные солдаты, бабы с ребятими за пазухами, слепые, распевающие Лазаря, расслабленные, привозимые в колясочках, ныли ребятишки в отряпях, протягивая руки и причитая, стонало множество старух в капорах и с лукошечками для сбора, монахини и сборщицы на церковь с книгами, странники, подвязанные лица в замасленных фуражках с кокардами, которых все звали «чиновниками». Помню, что про одного нищего в синих круглых очках все говорили, что у него есть «капитал», но ему все-таки подавали; про другую старуху нищую рассказывали, что она выдала дочку замуж за иконописца и дала за ней хорошее приданое. Такое скопище теперь можно видеть разве в провинциальных монастырях. Полиция нищих тогда не разгоняла. Это был ее доход. Подавали милостыню почти все, так как благотворительных обществ почти не было. Милостыня

была непременно принадлежностью посещения церкви. Купцы и купчихи являлись в церковь с кожаными кисами, наполненными медными деньгами, и раздавали то за упокой, то за здравие, произнося при каждой подачке по пяти, по шести имен. Многие нищие грубили прихожанам, говорили дерзости, плевались, грозили за малую подачку, но их считали юродивыми, и успех их был еще больший в деле сбора милостыни.

Кроме нищих, около паперти стояли торговцы-разносчики, продававшие дешевые иконы, крестики, ладанки, книжки житий святых, освященные стружки, камешки, деревянное масло в пузырьках. Были и разносчики с квасом, сбитнем, пряниками. И все это раскупалось охотно. У нас говорили, что весь нищий, а также и торговый люд, стоявший у церкви, делился тогда с церковными сторожами, и отец мой и дядя в шутку называли сторожей откупщиками.

Занесу первое мое говенье. К причастию мне сделали новую синюю курточку с бронзовыми пуговицами и сизо-серые брюки. Делал детский портной Аль-ванг, и наши домашние долго потом вздыхали, сколько он с них содрал; это было, впрочем, только один раз. В доме у нас привыкли к экономии, костюмы для детей шили дома сами, суконные вещи всегда непременно из старого, из отцовского, из спорков шуб. Для суконных вещей призывался портной Николай Алексеич (фамилии мы его не знали) — старик в длиннополом сюртуке, седой, с клинистой бородкой и в круглых оловянных очках. Брал он очень дешево и считался очень выгодным портным. Про него говорили, что он был такой искусник, что и из старой шапки ухитрялся сделать жилетку. Снимал он мерку бумажной меркой, которую делал тут же, прося бумажки, и отмечал на ней нарезами. Его всегда просили, чтобы он шил детям платье «на рост», то есть рукава и полы длиннее, чем нужно. Рукава иногда засучали. Делали фантастических костюмов у нас не было никаких. Экономия в доме была во всем. Даже и переделанное из спорков платье носил я один, как старший, а братьям моим почти всегда платье переходило от меня, когда я вырастал из него.

Говели мы всегда всем домом сразу; и для говенья всегда наменивалось новое мелкое серебро, преимущественно пяточки и гривенники, чтобы расхотать в церкви. Исповедывались все у отца настоятеля Владимирской церкви, протоиерея Михаила Малеина, дряхлого старика, совершенно глухого, но все-таки ездившего в Рождество и Пасху славить и взбывавшегося к нам в четвертый этаж. Он венчал отца и мать, крестил меня и других детей. Помню, что первая моя исповедь заключалась в расспросах со стороны священника: чей ты такой, не обманываешь ли родителей, не таскаешь ли украдкой сахар из сахарницы, не оскормился ли, не грубишь ли родителям? Ответов моих он не слышал, да и не интересовался ими. Помню, что, когда я после исповеди положил ему на блюдо блестящий пяточок, он достал его с блюда и, передавая его мне обратно, сказал: «Возьми себе на пряники». А про него говорили, что он был очень скуп, и я помню, что он ходил всегда в потертой, выцветшей лиловой рясе, совсем отрепанной, тогда как другие священники нашего прихода одевались франтовато и вовсю душились розовым маслом.

Прибавлю, что протоиерею Михаилу Малеину в день его ангела всегда посылали от нас сладкий кондитерский пирог. Это было принято у прихожан.

Мать наша была богомольна, молилась дома утром и вечером по молитвеннику, равно, как и тетка ее, моя мать крестная, которую, когда мне минуло лет десять, пришлось за старостью лет взять в дом, и у нас уже стали жить две старухи — мачеха отца и тетка матери. Живя в одной комнате, эти старухи всегда ссорились. Мачеха отца была не совсем в здравом уме и делала много чудачеств. У нее были деньги, до 10 000 рублей, полученные ею по наследству от какого-то родственника, были и бриллиантовые вещи, как ее приданое, но она денег не тратила, вещей никому не давала и держала их в комод, а ключ от комода на кресте. Впоследствии эти деньги у нее выманила обманом ее сестра, привела ее чуть не к окончательному умопомешательству, и она впала в детство. Мачеха отца почти никогда не выходила из дома, и ее чуть не силой водили в церковь

говеть и раза три в год возили в баню. Тетке матери она очень часто делала самые детские озорничества: то и дело гасила «неугасимую» лампаду перед ее образом, умышленно плевала на пол перед тем, как той надо [было] молиться и делать земные поклоны, сажала ей в коробку с зубным порошком тараканов и мух, а также и в молитвенник ее. С этого и начиналась перепалка.

Отец и дядя не были богомольны, но соблюдали все церковные обряды и накануне праздников и в праздники посещали церковь. Ходить накануне воскресенья и праздников в гости и принимать у себя гостей считалось у нас грехом. Впоследствии это стало изменяться, но, когда мы были детьми, было так. Нас, детей, мать заставляла утром, когда мы вставали от сна, и вечером, ложась спать, читать перед образом «Отче наш», «Богородицу», «Верую», поминать на молитве всех членов семьи, и при этом мы делали земные поклоны. Пока мы не знали молитв, мы повторяли их за матерью. Будучи уже мальчиком лет 12—13, я без угрызения совести не мог лечь спать, не прочитав всех этих молитв, хотя бы наскоро, бормотком; кроме того, я молился, чтобы Бог помог мне знать завтра уроки и получить хорошую отметку, причем крестил книгу и клал ее под подушку. Помню, что даже молился, чтобы нашлись потерянные вещи, вроде перочинного ножика, чтобы нашелся наш большой серый кот, которого мы, дети, так любили и который часто пропадал на два-три дня.

Кстати о коте. С самого раннего детства мы жили среди животных. У нас всегда были два-три кота, две-три собаки, и я очень любил их и мальчиком брал кота спать в постель. Кроме того, у нас всегда бывали морские свинки или кролики. Кошек и собак мы все очень любили и даже кормили пришлых бродячих кошек, которые всегда во множестве сидели у нас на черной лестнице, около наших дверей. Их мы называли «нищими» и выносили им подавание.

В детстве, в отрочестве, в юности я всегда имел при себе собаку или кошку, спал с ними, и любовь к этим животным у меня сохранилась и поныне. Будучи ребенком и отправляясь с нянькой гулять в церковную ограду, я всегда захватывал с собой хлеба, чтобы кормить бедных бродячих собак, которые юти-

лись там, получая от резвящихся детей кусочки пряников, покупаемых у разносчиков, расположившихся в ограде.

В Благовещение в этой ограде появлялись продавцы птиц с садками, и богомольцы усердно раскупали этих птиц на выпуск. Выпускал и я на волю таких птичек, выпросив у матери несколько копеек. Помню, когда был ребенком, жила у меня галка, выпавшая из гнезда и привезенная с кладбища, которую я воспитывал, кормя говядиной. Галка эта сделалась ручной, но, вполне окрепши, улетела и не возвратилась, что меня очень огорчило; я долго плакал и на молитве делал земные поклоны, чтобы галка вернулась.

С особенным удовольствием кормил я голубей и воробьев, которые прилетали ко мне на подоконник. Мы, дети, отмечали более смелых воробьев; они носили у нас название знакомых и назывались Кузьма, Матрена и т. п.

Кстати сказать, кормление птиц пятьдесят лет тому назад было связано с благочестием. Почти каждый лавочник занимался этим, вынося поутру из лавки зерна и хлеба для голубей и воробьев, высыпал корм и при этом крестился. Часто можно было видеть лавочников, к которым голуби садились на голову, на плечи. Гнездо птицы, свитое в таком месте, где оно даже мешало, никогда не разорялось взрослыми и считалось благословением Божиим. В радоницу, при поминовении усопших, кормили птиц на кладбищах. Члены нашей семьи возили на кладбище грачам, галкам и воронам даже говядину. Гостиный двор был переполнен голубями. На углах Гостиного двора стояли яды саечников и калачников, выкрикивая «сайки горячи» и прямо всовывая их в руки прохожих. От зазывания покупателей выкрики висели в воздухе, и, невзирая на это, голуби летали над головами саечников, садились к ним на плечи, на лотки с товаром. Голубь считался птицей священной. Отец мой рассказывал, что какой-то англичанин, торговавший внутри Гостиного двора в кладовой, вздумал стрелять там и з духового ружья голубей на жаркое, так ломовые извозчики, всегда стоявшие внутри Гостиного двора, до того этим возмущались, что чуть не убили англичанина, нанеся ему жестокие побои.